

УДК 94 (571):323.4«1915/1918»

С. В. Макаrchук

СОЦИАЛИСТЫ НА ВОСТОКЕ РОССИИ: ПОЛИТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА КОМПРОМИССА НАКАНУНЕ И В НАЧАЛЕ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Изучается политическая культура социалистов-революционеров и социал-демократов. Особое внимание обращается на их способность пойти на компромисс как между собой, так и с пытающимися утвердиться у власти коммунистами. Выявляются цели, задачи, формы компромисса на конкретных отрезках времени. В статье применяются традиционные общенаучные и исторические методы исследования при сочетании цивилизационного и формационного подходов.

Ключевые слова: социал-демократы, социалисты-революционеры, большевики, меньшевики, социалистическое единство, гражданская война, политический компромисс.

S. V. Makarchuk

SOCIALISTS IN THE EAST OF RUSSIA: THE POLITICAL CULTURE OF COMPROMISE ON THE EVE AND IN THE EARLY CIVIL WAR

The article studies political culture of socialist revolutionaries and social democrats. Special attention is drawn to their ability to compromise, both among themselves and trying to be established by the communist government. It identifies the goals, objectives, forms of compromise at specific intervals of time. The article uses traditional general scientific and historical research methods in combination of civilization and of formation under-moves.

Keywords: social democrats, socialist revolutionaries, more-wiki, mensheviks, socialist unity, civil war, political compromise.

Политическая культура общественных движений и партий только начинает становиться предметом исследований российских историков, политологов и культурологов. Остаётся малоизученной политическая культура российской провинции начала XX века. В результате среди части аналитиков бытует мнение об отсутствии здесь толерантности и культуры компромисса [1]. Между тем, даже, казалось бы, непримиримые политические силы показывали на востоке страны примеры толерантности и готовности к компромиссу. Среди социалистических группировок это проявилось в стремлении к социалистическому единству.

Схожесть политических позиций социал-демократической партии (РСДРП) и партии

социалистов-революционеров (ПСП) заключалась в том, что с самого их возникновения они поставили задачу организационно-партийного единения не только в рамках так называемого «левого блока». Идея создания единой социалистической партии изначально занимала как эсеров, так и эсдеков. Единение партийных группировок социалистов-революционеров и социал-демократов облегчалось наличием давних традиций совместной работы, особенно на местах. Так, на Урале ещё в 1901 году появилась единая организация – «Уральский союз социал-демократов и социалистов-революционеров» [2]. Она заложила на долгие годы тягу к совместной работе, приведшую к существованию в ряде мест объединённых организаций

социалистических партий. В Сибири и на Дальнем Востоке, хотя и не сложились объединённые эсеров-эсдековские организации, тяга к совместной работе была велика. Она проявилась в деятельности подпольных внепартийных групп, совместно создаваемых социалистами.

Стремление к компромиссу и объединительные тенденции были особенно характерны для сибирской политической ссылки, где в большинстве случаев существовали единые колонии социалистов. В эсеровском «Знамени Труда» публиковалось письмо группы политссыльных Верхотенского уезда Иркутской губернии, ратующих за создание «единой русской социалистической партии»: «Наши товарищи – сторонники объединения – видят в этом объединении спасение от того тяжёлого организационного кризиса социализма, который пришлось ему пережить за последние годы, и находят (также) в этом объединении средство для более успешной борьбы соединёнными силами с одним врагом – царизмом и капитализмом» [3].

Обоюдной толерантности и складыванию социалистического единства способствовал фактор существующего на востоке страны внутреннего организационного единства эсеровских и эсдековских групп. Социалисты-революционеры разных взглядов и направлений (энесы, максималисты, оборонцы, легалисты, террористы, интернационалисты и др.) находились в составе единых организаций ПСР, предпринимая попытки лишь идейного влияния на них. То же характерно для эсдековских групп, где совместно работали большевики, меньшевики, ликвидаторы, отзовисты, оборонцы и интернационалисты.

Первая Мировая война, разделившая всех социалистов на «интернационалистов» и «оборонцев», ещё более способствовала единению социалистов-единомышленников из разных партий. В августе – сентябре 1915 го-

да оборонцы из эсеровского и эсдековского лагерей совместно издавали газету «Россия и свобода», а с октября 1915 года в Париже начала выходить газета «Призыв» – объединённый орган социал-демократов и социалистов-революционеров.

В Красноярске в начале войны внутри единой организации ПСР сложилась группа эсеров-интернационалистов, а зимой 1915–1916 годов среди них появились сторонники объединения с местными социал-демократами «на почве пораженчества». В феврале 1916 года эсеры-интернационалисты Красноярска обособились в ячейку Сибирской группы социалистов-революционеров, а к весне этого года была создана объединённая группа революционеров, в которую вошли эсеры и эсдеки-интернационалисты [4]. В Томске эсеры, выступающие против войны, примыкали к созданному социал-демократами Военно-социалистическому союзу.

В ходе Февральской революции эсеры и социал-демократы совместно входили в органы власти и общественного самоуправления на местах. Так, в Томске Совет солдатских депутатов был сформирован членами Военно-социалистического союза, состоящего из солдат – сторонников обеих социалистических партий. В комитетах общественного порядка и безопасности (КОБах) также повсеместно преобладали социал-демократы и эсеры. Комиссарами Временного правительства на местах назначались социалисты или близкие к ним люди. Комиссаром Временного правительства по Томской губернии с самого начала революции был назначен «беспартийный социалист» Б. М. Ган.

Февральско-мартовские события 1917 года дали мощный импульс партийному строительству. Повсеместно на востоке страны возрождались распавшиеся в ходе мировой войны организации социалистических пар-

тий. В марте – апреле в Сибири насчитывалось уже не менее 30 организаций РСДРП и 60 организаций ПСР. Возродились они на легальной основе и были внутренне едиными вплоть до Октябрьского переворота, когда под влиянием событий в центре страны вынуждены были организационно разделиться на большевиков и меньшевиков, правых и левых эсеров.

После прихода большевиков к власти меньшевики убеждали их не противопоставлять себя остальным силам социалистической демократии и согласиться на «однородную» социалистическую власть. Не теряющие надежд на сохранение социал-демократического единства меньшевики называли себя «объединенцами», а партия получила название – РСДРП (объединённая).

В конце 1917 года Чрезвычайный съезд РСДРП(о) определил отношение к большевистскому перевороту и разгорающейся Гражданской войне. Созданное большевиками Советское правительство (СНК) характеризовалось как правительство гражданской войны. Вместе с тем, съезд заявил, что борьба с большевиками должна вестись только мирными политическими средствами. В дальнейшем меньшевики провозгласили лозунг «ликвидации гражданской войны» путём согласия всех социалистических сил «от энесов до большевиков» на формирование «однородного социалистического правительства» [5]. Это была первая попытка умиротворения большевиков и создания своеобразного буфера – третьей силы между большевиками и сторонниками гражданской войны с противоположной стороны. Местные, в том числе сибирские организации РСДРП(о) приняли тактику партии.

РСДРП(о) считала возможным соглашение между меньшевиками и эсерами, с одной стороны, и большевиками, – с другой, на почве сохранения гражданского мира. Следует отметить, что даже после разгона Учреди-

тельного собрания ЦК ПСР не отказался от тактики мирного противодействия большевистской власти, выступив против «заговорщицкой борьбы». Меньшевики и эсеры работали в Советах различных уровней, вплоть до губернских, ставя своей целью помочь массам скорее избавиться от «иллюзии большевизма» [6].

В феврале 1918 года в Иркутске состоялись губернские конференции обеих партий, принявшие, по сути, идентичные решения. В резолюции губернской конференции ПСР отмечалось, что «борьба с большевизмом должна идти по пути оттягивания масс из под его влияния...». Резолюция губернской конференции меньшевиков закрепляла необходимость «идейной борьбы» с большевизмом при отрицании «вооружённой борьбы» с ним [7]. Меньшевики выступили против вооружённого сопротивления акту разгона Учредительного собрания, считая, что нельзя «вести часть пролетариата на вооружённую борьбу с другой частью пролетариата, даже если эта часть совершает гибельную преступную ошибку» [8]. Этот постулат, пожалуй, являлся главным в классовой политике социал-демократов в годы Гражданской войны. Он оставался неизменным и после заключения большевиками резко неприняемого меньшевиками и эсерами Брестского мира. Не повлиял на позиции меньшевиков и разрыв большевиков с социал-демократией после объявления своей партии коммунистической – РКП(б). В ответ на это меньшевики убрали из наименования своей партии приставку «объединённая». Партия стала называться – РСДРП.

Объединение социал-демократов и коммунистов в рамках осуществления лозунга социалистического единства становилось всё более призрачным, хотя кое-где на местах меньшевики и эсеры объединялись с большевиками в вопросах неприятия Брест-

ского мира. Так, заседание исполкома Владивостокского Совета рабочих и солдатских депутатов в присутствии представителей трёх социалистических партий единогласно признало заключение мира на германских условиях изменой делу революции. Дальневосточный краевой комитет Советов заявил об отказе принять условия мира, называя их «смертельным приговором делу социализма» [9]. А 2-й Всероссийский съезд Советов в Иркутске по инициативе самих большевиков осудил Совет народных комиссаров и призвал пролетариат Австрии, Германии и России «бороться до конца за интернациональный социалистический мир» [10].

Таким образом, совместная борьба против условий Брестского мира сплачивала меньшевиков, эсеров и большевиков. В резолюциях собраний, совещаний и конференций сибирских эсеров не было открытого призыва к свержению власти большевиков. Но, в общем, и те и другие были толерантны к большевикам, участвуя в работе большевистских Советов и, тем самым, поддерживая установившуюся советскую власть.

Выступление чехословацкого корпуса во многом попадает на подготовленную почву. Не секрет, что значительная часть корпуса состояла из рабочих – членов Чешской социал-демократической партии, а руководство Чешского национального совета открыто сочувствовало правым социалистам. Но российские социал-демократы (меньшевики) не принимали гражданскую войну и иностранное вмешательство в любых проявлениях. Иначе повели себя социалисты-революционеры. В мае 1918 года VIII Совет ПСР принял решение начать вооружённую борьбу с Советской властью и «водрузить знамя Учредительного собрания» в Поволжье и на Урале» [11].

В период «демократической контрреволюции», когда у власти на востоке страны

оказались эсеры, ЦК РСДРП оставался верным тактике «третьей силы». На этот раз эта сила должна была стать своеобразным буфером между большевиками и эсерами. ЦК продолжал бороться против отдельных эсдеков, позволивших себе участие в Административном совете Временного Сибирского правительства, в Уральском областном правительстве, в Уфимском государственном совещании.

Политическое положение на востоке России резко изменилось после совершённого А. В. Колчаком 18 ноября переворота, в результате которого режим «демократической контрреволюции» перестал существовать, а его руководители – эсеры стали преследуемой партией. В этих условиях они вынуждены были сблизиться с меньшевиками и присоединиться к их тактике. Эсеры отказались от вооружённой борьбы с большевиками и даже предприняли попытки создания партийного блока с меньшевиками. На IX Совете ПСР была принята резолюция, в которой говорилось о возможности образования в России единой социалистической партии [12]. В свою очередь, меньшевики, тесно сотрудничая с эсерами, пошли фактически на политический союз с большевиками, признав на заседании ЦК РСДРП в октябре 1918 года, что «совершённый в октябре 1917 года большевистский переворот являлся исторически необходимым» [13]. Лояльность эсеров в отношении большевиков привела к легализации их партии Советским правительством в феврале 1919 года. Таким образом, меньшевики и эсеры в сложившихся условиях перешли на сторону большевиков для совместной борьбы против колчаковской диктатуры. Проблема социалистического единства, основанная на толерантности и политическом компромиссе между различными группировками социалистов, вновь выходила на первый план.

Литература

1. Орлов И. Б. Политическая культура России XX века. – М., 2008. – С. 59.
2. Макаrchук С. В. Революционный экстремизм на Урале в начале XX века // Социально-правовые, гендерные и политические аспекты противодействия экстремистской деятельности: сб. статей. – Кемерово, 2011. – С. 107.
3. Знамя Труда. – 1913. – № 52. – С. 14–15.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 102. ДП. ОО. 1916 г. Ед. хр. 9 ч. 25 л. Б. Л. 20.
5. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 275. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.
6. См.: Добровольский А. В. Эсеры Сибири во власти и в оппозиции. – Новосибирск, 2002. – С. 88, 95.
7. Центр документации Новейшей истории Иркутской области (ЦДНИИО). Ф. 300. Оп. 1. Д. 687. Л. 1; РГАСПИ. Ф. 274. Оп. 2. Д. 1. Л. 9–10.
8. Меньшевики в 1918 году: сб. документов. – М., 1999. – С. 735–736.
9. См.: Кокоулин В. Г. Политические партии в борьбе за власть в Забайкалье и на Дальнем Востоке. Октябрь 1917 – ноябрь 1922. – Новосибирск, 2002. – С. 37–38.
10. Шиловский М. В. Политические процессы в Сибири в период социальных катаклизмов 1917–1920 годов. – Новосибирск, 2003. – С. 144.
11. Политические партии России. Конец XIX – первая треть XX века: энциклопедия. – М., 1996. – С. 445.
12. Партия социалистов-революционеров: документы и материалы. – Т. 3. – Ч. 2. – М., 2000. – С. 466.
13. Урилов И. Х. Ю. О. Мартов: политик и историк. – М., 1997. – С. 344.

Literatura

1. Orlov I. B. Politicheskaja kul'tura Rossii XX veka. – M., 2008. – S. 59.
2. Makarchuk S. V. Revoljucionnyj jekstremizm na Urале v nachale XX veka // Social'no-pravovye, gendernye i politicheskie aspekty protivodejstvija jekstremistskoj dejatel'nosti: sb. statej. – Kemerovo, 2011. – S. 107.
3. Znamja Truda. – 1913. – № 52. – S. 14–15.
4. Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF). F. 102. DP. OO. 1916 g. Ed. hr. 9 ch. 25 l. B. L. 20.
5. Rossijskij gosudarstvennyj arhiv social'no-politicheskoi istorii (RGASPI). F. 275. Op. 1. D. 15. L. 1.
6. См.: Dobvol'skij A. V. Jesery Sibiri vo vlasti i v oppozicii. – Novosibirsk, 2002. – S. 88, 95.
7. Centr dokumentacii Novejshej istorii Irkutskoj oblasti (CDNIIO). F. 300. Op. 1. D. 687. L. 1; RGASPI. F. 274. Op. 2. D. 1. L. 9–10.
8. Men'sheviki v 1918 godu: sb. dokumentov. – M., 1999. – S. 735–736.
9. См.: Kokoulin V. G. Politicheskie partii v bor'be za vlast' v Zabajkal'e i na Dal'nem Vostoke. Oktjabr' 1917 – nojabr' 1922. – Novosibirsk, 2002. – S. 37–38.
10. Shilovskij M. V. Politicheskie processy v Sibiri v period social'nyh kataklizmov 1917–1920 godov. – Novosibirsk, 2003. – S. 144.
11. Politicheskie partii Rossii. Konec XIX– pervaja tret' XX veka: enciklopedija. – M., 1996. – S. 445.
12. Partija socialistov-revoljucionerov: dokumenty i materialy. – T. 3. Ch. 2. – M., 2000. – S. 466.
13. Urilov I. H. Ju. O. Martov: politik i istorik. – M., 1997. – S. 344.